MASHKOVTSEV A.A.

DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN ON HISTORY OF THE KAZAN NOT ORTHODOX CHRISTIANS (THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

А.А. МАШКОВЦЕВ

ДОКУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН – ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАНСКИХ НЕПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.

Annotation / Аннотация

In the article documents of National archive of the Republic of Tatarstan are analyzed, allowing to consider number and ethnic structure of the Kazan not orthodox Christians, as well as their relationships with local authorities.

В статье проанализированы документы Национального архива Республики Татарстан, позволяющие рассмотреть численность и этнический состав казанских неправославных христиан, а также их взаимоотношения с местными органами власти.

Keywords / Ключевые слова

Sources, source study, the National archive of the Republic of Tatarstan, Catholicism, Protestantism, Sectarianism. Источники, источниковедение, Национальный архив Республики Татарстан, католицизм, протестантизм, сектантство.

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, г. Киров; 8-8332-62-85-93, 8-912-724-54-62; wikma116@rambler.ru

Во второй половине XIX – начале XX в. Казанская губерния отличалась от других регионов Европейской части России своим сложным конфессиональным составом населения. Согласно данным, содержащимся в отчете казанского губернатора за 1890 г., помимо православных верующих (свыше 1,4 млн чел.) в губернии проживало 629,7 тыс. мусульман, 25,8 тыс. старообрядцев, 12,7 тыс. язычников, 2,4 тыс. иудеев . Наибольшим религиозным разнообразием отличалась сама Казань. В начале XX в. здесь насчитывалось 65 православных храмов, 12 мечетей, 2 синагоги, лютеранская кирха и католический костел .

Крупнейшие религиозные организации Татарстана уже достаточно детально изучены. За последние 20 лет лишь по истории Казанской епархии дореволюционного периода вышло несколько монографий и были защищены кандидатские и докторские диссертации . Еще более обширной является историография ислама в Волго-Уральском регионе, насчитывающая десятки различных публикаций . Также неплохо изучено старообрядчество и языческие верования марийцев, живших на территории Казанской губернии.

В то же время, ряд конфессиональных групп края были явно обделены вниманием исследователей. Речь, в первую очередь, идет о местных неправославных христианах, к которым можно отнести католиков, лютеран, баптистов и духовных христиан (духоборов, скопцов, хлыстов и молокан). В 2003 г. по истории протестантизма в Татарстане была защищена кандидатская диссертация И.П. Корнилова, представляющая собой довольно глубокое и содержательное исследование. Однако основное внимание автор уделил советскому периоду, тогда как дореволюционная история казанских лютеран и баптистов была рассмотрена фрагментарно. Что же касается других религиозных общин, то по их истории имеются лишь небольшие по объему статьи, не дающие целостного представления о развития в крае католицизма, протестантизма и духовного христианства .

Между тем, несмотря на относительную малочисленность, названные религиозные группы играли заметную роль в экономическом и социокультурном развитии региона. Так, в Казанском университете трудилось немало известных ученых (например, выдающийся лингвист И.А. Бодуэн де Куртенэ), являвшихся по вероисповеданию католиками и лютеранами. Кроме того, на протяжении практически всего обозначенного хронологического периода местные католики, протестанты и сектанты являлись объектом пристального внимания со стороны казанской губернской администрации и православного духовенства. При этом конфессиональная политика региональных властей в отношении неправославных христиан и взаимоотношения последних с Русской православной церковью также чрезвычайно слабо изучены. Рассмотреть историю развития католицизма, протестантизма и духовного христианства в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. позволяют материалы Национального архива

Республики Татарстан.

Наибольшей информативной ценностью по истории неправославных христиан Казанской губернии обладает делопроизводственная документация. Основной ее массив содержится в фондах местных органов государственной власти и управления, таких как Канцелярия казанского губернатора (Ф. 1) и Казанское губернское правление (Ф. 2). Это связано с тем, что именно данные структуры непосредственно реализовывали конфессиональную политику в крае, осуществляя надзор за религиозными меньшинствами.

Важнейшей группой делопроизводственной документации является переписка различных органов государственной власти, которую можно условно разделить на три подгруппы. К первой относится переписка вышестоящих органов с подчиненными. В фондах Канцелярии казанского губернатора и Казанского губернского правления имеются многочисленные циркуляры Министерства внутренних дел, касающихся вопросов реализации на региональном уровне общеимперской религиозной политики. Примером может служить циркуляр МВД от 28 апреля 1872 г., устанавливающий порядок освобождения ссыльного римско-католического духовенства от гласного надзора полиции .

Впрочем, что касается католического клира, то наибольшее количество циркуляров, предписаний и распоряжений высших и центральных органов государственной власти, отложившихся в фондах НАРТа, относится к 1860 гг. Это было связано с польским восстанием 1863–1864 гг. и той политикой, которая проводилась имперским руководством после его подавления. Известно, что католическое духовенство, наряду со шляхтой, приняло в выступлении самое активное участие, что не могло не осложнить и без того непростые отношения между российским правительством и Костелом. Несколько католических иерархов (например, виленский епископ Адам Красинский) и

сотни ксендзов подверглись административной высылке в отдаленные районы страны. Одним из центров размещения опального католического духовенства была Казанская губерния.

Министерство внутренних дел, высылая в край ксендзов, детально регламентировало условия их содержания. В первую очередь, оно стремилось не допустить негативного (с точки зрения властей) воздействия ссыльных священнослужителей на ситуацию в Польше, а также в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине, и с этой целью пыталось полностью поставить под контроль правоохранительных органов их переписку. В январе 1864 г. вышел циркуляр МВД, фактически ликвидировавший для политических ссыльных свободу переписки. «Почтовая и телеграфная переписка лиц, высланных под надзор полиции и подвергнутых особому наблюдению, производится не иначе как с ведома главного местного полицейского начальства. Почтовые конторы и телеграфные станции все письма и депеши, получаемые на имя означенных лиц, состоящих под особым надзором, предоставляют на предварительный просмотр губернатора или уездного исправника, которые по рассмотрении писем и депеш, или разрешают передать их по принадлежности, или задерживают. Корреспонденцию, отправляемую помянутыми лицами, последние обязаны предоставить местному начальству, которое разрешает отдачу оной на почту или телеграфную станцию, а в случает предосудительного содержания задерживает сию корреспонденцию», - отмечалось в циркуляре .

В 1860-е гг. активную переписку с казанским губернатором осуществлял Департамент духовных дел иностранных исповеданий, входивший в структуру МВД и непосредственно контролировавший деятельность неправославных конфессий. Эта переписка касалась как общих, так и частных вопросов. К примеру, департамент рассматривал различные обращения ссыльных ксендзов, касающихся религиозных вопросов. Так, в конце 1866 г. казанский губернатор направил в департамент ходатайство сосланного в г. Цивильск ксендза Иоанна Вершило, просившего переслать ему священническое облачение и различные предметы культа, используемые при богослужении. Ксендз мотивировал свою просьбу тем, что он тяжело болен и в случае смерти хотел бы быть похоронен по всем церковным канонам и в облачении священнослужителя.

Однако руководство Департамента духовных дел иностранных исповеданий восприняло такую мотивацию как уловку. Оно опасалось, что получив предметы религиозного культа, И. Вершило начнет совершать богослужения, в ходе которых может обратиться с патриотическими воззваниями к прихожанам. «Принимая во внимание, что ксендз Вершило, при высылке его вследствие политической неблагонадежности из Северо-Западного края, не получил разрешения совершать богослужения, имею честь уведомить Ваше превосходительство, что к выдаче ему означенных вещей нет достаточных оснований, тем более что местное начальство должно строго наблюдать, чтобы Вершило не совершал общественных богослужений», - писал директор департамента Э.И. Сиверс . Скорее всего отказ на просьбу больного священника был вызван не только политическими мотивами, но и опасением возможной миссионерской деятельности И. Вершило среди православных жителей Цивильска.

По мере нормализации ситуации в Польше и Западном крае интенсивность переписки различных департаментов МВД с руководством Казанской губернии относительно местного римско-католического духовенства стала снижаться, тем не менее, даже в конце XIX в. Министерство внутренних дел оперативно реагировало на любую информацию о проявлении нелояльности со стороны ксендзов. Примером служит переписка Департамента духовных дел иностранных исповеданий с канцелярией губернатора о викарном священнике казанского костела Евгении Слицевиче. На основании докладной записки попечителя Казанского учебного округа ксендз был обвинен в негативном влиянии на учащихся-поляков ряда школ Казани. «В 1-й императорской гимназии Слицевич, во время чтения молитвы отвернулся от икон …, а в Мариинской женской гимназии внушал ученицам избегать русского светского пения», - отмечал губернатор .

Что касается казанских протестантов, то до конца XIX в. они мало интересовали как центральные органы власти, так и местные органы управления. Дело в том, что на

протяжении почти всего XIX в. единственной заметной протестантской организацией в крае являлись лютеране, отличавшиеся исключительной законопослушностью. Их лояльность не вызывала никаких сомнений ни у светских властей, ни у православного духовенства. В силу этого в документах НАРТа второй половины XIX в. переписка о лютеранах вышестоящих органов с нижестоящими представлена довольно слабо.

В годы Первой мировой войны положение Евангелическо-лютеранской общины в России заметно ухудшилось. Война с Германией и Австро-Венгрией привела к резкому росту антинемецких настроений, а большинство верующих лютеранских церквей во внутренних губерниях страны были именно немцы. Так, в Казани, по данным известного исследователя О.А. Курило, немцы на рубеже XIX–XX вв. составляли 72% от общего количества прихожан кирхи св. Екатерины . Кроме того, уже в начале войны в Казанскую губернию интернировали большое количество немцев из прифронтовой полосы. Наконец, после первых успехов русской армии (в частности, победы в Галицийской битве) в крае разместили несколько тысяч немецких и австрийских военнопленных.

Рост шовинистических настроений и шпиономании привел к тому, что правоохранительные органы и значительная часть простых обывателей видели в каждом немце если не настоящего, то потенциального шпиона германской разведки. В особенно трудном положении оказалось лютеранское духовенство, стремившееся оказывать материальную и духовную поддержку военнопленным и интернированным лицам. В фонде Казанского губернского жандармского управления (Ф. 199) сохранилась переписка о лютеранском пасторе Казани Э.К. Гохайзеле, которого местные правоохранительные органы подозревали в антиправительственной агитации и даже в шпионаже .

В конце XIX в. на территории Казанской губернии происходит распространение еще

одного протестантского вероучения – баптизма. Данная конфессиональная группа заметно отличалась от лютеранства не только по догматике и организационной структуре, но и по своим взглядам на существовавший в России государственный строй и официальную церковь. Мы уже отмечали, что российские лютеране всегда характеризовались не только полной лояльностью к светской власти в империи, но и толерантным отношением к православию. Лютеранские пасторы Казани никогда не занимались прозелитизмом среди русских, поэтому случаи перехода православных в лютеранство были единичными и объяснялись, главным образом, личным духовным выбором новообращенных.

Баптисты придерживались совершенно противоположной позиции. Для них была характерна активная миссионерская деятельность на чужой канонической территории и критическая позиция в отношении православия. Некоторые лидеры русского баптизма негативно отзывались о самодержавии, заявляя о необходимости демократизации государственного строя в России. Наконец, баптисты отличались специфическим отношением к исполнению воинской повинности, что наиболее ярко проявилось в годы Первой мировой войны. Естественно, что возникавшие в российской провинции баптистские общины сразу же попадали под контроль центральных и местных властей, а также православного духовенства.

Первые циркулярные указания МВД казанскому губернатору об усилении надзора за деятельностью баптистов датируются концом 1880-х гг. К примеру, в 1889 г. Департамент общих дел МВД потребовал от руководства края принятия действенных мер к прекращению пропаганды баптизма . В первой половине 1890-х гг. велась активная переписка между различными департаментами МВД и канцелярией казанского губернатора относительно возникновения баптистской общины в с. Мордовские Каратаи Тетюшского уезда . Документы о баптистах, датированные концом XIX в., отложилась также в фонде Казанского губернского правления .

Однако наибольший пласт источников по истории казанских баптистов относится к периоду Думской монархии. После принятия манифеста 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», провозгласившего свободу совести в России, началось стремительное распространение баптизма во многих регионах страны, в том числе и в Казанской губернии. Это вызвало серьезное беспокойство у властей, но остановить данный процесс, не нарушая нового, достаточно либерального законодательства, они не могли.

Ситуация резко изменилась после начала Первой мировой войны: массовые случаи отказа баптистов от мобилизации на военную службу дали властям повод для резкого ужесточения политики в отношении представителей данной религиозной группы. При этом баптистов обвиняли не только в прозелитизме среди адептов официальной церкви, но и в стремлении ликвидировать самодержавие. Наиболее откровенно такая позиция изложена в циркуляре Департамента полиции МВД от 7 марта 1915 г. В Национальном архиве Республики Татарстан данный документ содержится в фонде Казанского губернского жандармского управления (Ф. 199). «Не подлежит сомнению, что между разрушительными стремлениями революционеров и колебанием устоев господствующей в России Православной церкви существует тесная связь, так как те и другие усилия в конечном результате направляются к единой цели – ниспровержению существующего в Империи строя. Поэтому сектантство в России, объединяющееся на почве враждебного отношения к православию, искони уже признается, с государственной точки зрения, явлением безусловно вредным…

На состоявшихся за границей баптистских конгрессах, русские представители этого сектантского вероучения неоднократно провозглашали себя противниками существующего в Империи государственного строя, стремящимися к социальному перевороту», - отмечалось в документе .

В циркуляре также указывалось на то, что весомую роль в распространении баптизма в России сыграли немецкие миссионеры, поэтому русские баптисты, якобы, настроены прогермански: «В возникших в Западной Европе и распространенных затем в России германскими проповедниками лжеучениях адвентистов и баптистов настолько сильно сказывается влияние Германии, что означенные секты, в особенности баптисты, являются, в сущности, рассадниками германизма в России» .

В заключительной части документа руководство Департамента полиции отнесло баптистов к числу наиболее опасных религиозных организаций в России и потребовало от губернских правоохранительных органов принятия действенных мер по пресечению дальнейшего распространения баптизма: «В связи со столь враждебным отношением баптизма к русской государственности и приверженностью его к германизму, надлежит особо отметить свойственную этому вероучению идею о недопустимости даже на войне действовать оружием против неприятеля. В виду того, что идея эта в корне подрывает всю систему государственной обороны, нельзя не признать, что баптизм, по условиям переживаемого ныне Россией момента, представляется одним из наиболее вредных сектантских учений. В виду изложенного, Департамент полиции… просит Вас держать баптистов на учете и установить наблюдение за их деятельностью, …а по обнаружении с их стороны опасных для государственного порядка деяний, пресекать таковые имеющимися в Вашем распоряжении мерами» .

Исполняя предписания МВД, Казанское губернское жандармское управление усилило контроль за деятельностью баптистских общин. Кроме того, на баптистов стало оказываться интенсивное административное давление, включавшее запрет на проведение молитвенных собраний, осуществление обысков и т.д. Наиболее жесткое воздействие оказывалось на духовных лидеров местных баптистов, имевших большое влияние на своих единоверцев. Так, в конце 1915 г. начальник Казанского губернского жандармского управления полковник К.И. Калинин ходатайствовал перед губернатором о выселении за пределы губернии руководителя баптистской общины в с. Ершовка Мамадышского уезда Гурьяна Федорова .

Казанские баптисты имели значительные связи с единоверцами из других регионов страны. К примеру, ершовские баптисты тесно контактировали с баптистами с. Верхняя Слудка, расположенного в Малмыжском уезде соседней Вятской губернии. Стремясь пресечь подобные связи, казанские жандармы пытались координировать свои действия с вятскими коллегами, что нашло отражение во второй группе деловой переписки – переписке между равными учреждениями. В фонде Казанского губернского жандармского управления сохранились письма и отношения, полученные от вятских жандармов, в которых содержалась достаточно важная оперативная информация. Она позволяла казанской жандармерии устанавливать родственные и деловые связи местных баптистов, выявлять каналы поступления в край их проповеднической литературы, а также анализировать методы миссионерского воздействия баптистов на православных верующих. Кроме того, вятская полиция информировала казанских коллег о проезде через территорию Вятской губернии баптистских пресвитеров из крупных городов страны и о их возможном появлении и в Казани.

Помимо католиков и протестантов объектом пристального внимания казанских губернских и уездных властей были различные сектанты, в частности, так называемые «духовные христиане». Относившиеся к данному течению молокане, духоборы, хлысты и скопцы по своей численности значительно уступали даже казанским католикам и лютеранам, и, в отличие от баптистов не занимались активной проповеднической деятельностью среди православных. Однако особенности догматики и богослужебной практики ставили их в совершенно особое положение среди всех религиозных организаций Российской империи. Дело в том, что хлысты и скопцы допускали применение в ритуальных целях самоистязания, которое могло закончиться причинением тяжкого вреда здоровью, а в отдельных случаях и смертью человека.

Наибольшую известность в этом отношении получили скопцы, догматика которых предусматривала кастрацию («оскопление») новообращенных. В силу этого российским законодательством хлысты и скопцы относились к «изуверским» сектам, сама принадлежность к которым служила основанием для уголовного преследования. Даже после издания 17 апреля 1905 г. манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» данные организации не были легализованы и продолжали преследоваться

правоохранительными органами.

В отличие от хлыстов и скопцов, молокане и духоборы не применяли варварских обрядов, однако для них было характерно неприязненное отношение к православию и самодержавному строю. Власть и официальная церковь отвечали им ответной нелюбовью, выражавшейся в постоянных административных преследованиях и миссионерском воздействии со стороны православного клира.

Выявление хорошо законспирированных общин духовных христиан возлагалось на низовой административно-полицейский аппарат и на приходское духовенство. Они обязаны были немедленно информировать свое руководство о появлении на подконтрольной им территории любых признаков сектантства. Поэтому значительной информативной ценностью для исследователя обладает третья группа деловой переписки, осуществлявшаяся между нижестоящими и вышестоящими органами. К ней относятся многочисленные рапорты, донесения, представления и прочие документы.

В Национальном архиве Республики Татарстан большое количество указанных источников отложилось в фонде Канцелярии казанского губернатора. Сюда можно отнести рапорт казанского полицмейстера о жившем в Казани в начале 1870-х гг. скопце Е.Ф. Бесфамильном , переписку о розыске скопца П. Быстрова и т.п. Существенное число источников по истории казанских сектантов содержится и в фонде Казанской духовной консистории (Ф. 4), которая осуществляла деятельный контроль за сектантами. Большой интерес представляют дела о противодействии православного клира проникновению в край хлыстовщины , молоканства и других религиозных течений.

Рапорты полицмейстеров, уездных исправников и приходских священников важны в первую очередь тем, что эти люди напрямую контактировали с представителями сектантских организаций. Их донесения позволяют локализовать районы распространения тех или иных сектантских течений, установить фамилии лидеров местных общин духовных христиан, методы воздействия последних на своих единоверцев и т.д. В рапортах иногда приводятся высказывания самих сектантов, позволяющие глубже понять их идейно-политические воззрения. В то же время, информация, шедшая от приходского духовенства, а также волостных и уездных чиновников, не лишена и ряда недостатков. Главный из них – высокая степень субъективизма в оценке тех или иных явлений, связанных с сектантством. Так, православные священники, объясняя причины распространения в своих приходах сектантства, постоянно указывали на легковерие и невежество паствы. Чаще всего, подобными рассуждениями они пытались скрыть собственные недостатки (низкий уровень образованности, пренебрежение своими прямыми обязанностями и т.п.) которые вели к падению авторитета священника.

Помимо деловой переписки еще одним важным видом источников по истории казанских сектантов является протокольная документация. В течение всей второй половины XIX в. и вплоть до начала революционных событий 1917 г. на заседаниях Казанской духовной консистории постоянно рассматривались меры по противодействию распространению сектантских вероучений, что видно из ее журналов. Примером может служить журнал заседания консистории от 29 января 1913 г., где обсуждались вопросы борьбы с хлыстовщиной. Поскольку даже после провозглашения веротерпимости в 1905 г. хлысты продолжали оставаться вне закона, они всячески скрывали свои истинные религиозные взгляды. Некоторые из них исправно посещали православную церковь и совершали все ее обряды, поэтому их сложно было заподозрить в принадлежности к запрещенной секте.

На упомянутом заседании Казанской духовной консистории как раз был поднят вопрос о выявлении подобных тайных хлыстов. При этом председательствовавший на заседании профессор Казанской духовной академии Н.И. Ивановский предложил использовать опыт тамбовских священников, изложенный в работе «Исповедание веры

подозреваемого в хлыстовщине»: «Если то или другое лицо, заподозренное в содержании хлыстовского учения, явится на исповедь к своему приходскому священнику, то последний должен воспользоваться этой исповедью, как лучшим для него средством, чтобы убедиться – принадлежит ли на самом деле заподозренное лицо к секте хлыстов. В этих видах священник предлагает исповедуемому им лицу соответствующие вопросы, заимствуя их содержание из «Исповедания веры подозреваемого в хлыстовщине» .

Консистория одобрила предложение Н.И. Ивановского, постановив больше внимания уделять выявлению тайных хлыстов и их публичному обличению в храме перед односельчанами. Названное противосектантское издание, созданное тамбовским духовенством на основе многолетнего опыта борьбы с хлыстовщиной, было признано полезным и рекомендовано казанским священнослужителям.

В целом, журналы заседаний Казанской духовной консистории свидетельствуют о том, что вплоть до падения монархии руководство епархии очень большое внимание уделяло борьбе со староверием, сектантством и протестантизмом. При этом угрозы, исходившие со стороны этих конкурирующих религиозных организаций, православным клиром часто преувеличивались. Кроме того, увлекшись борьбой с сектантами, Церковь меньше внимания обращала на внутренние проблемы – рост революционных настроений среди семинаристов, пустеющие храмы и т.д.

Поскольку многие сектантские организация подвергались репрессиям со стороны правоохранительных органов, важно использовать и такой вид источников, как судебно-следственная документация. Она отложилась в фондах Казанского окружного суда (Ф. 41) и прокурора Казанского окружного суда (Ф. 390). Такая разновидность судебно-следственной документации, как показания обвиняемых и свидетелей, позволяет установить фамилии руководителей тех или иных сектантских общин в крае,

а также методы пропаганды их религиозных взглядов среди представителей других конфессий. Протоколы обысков дают важные сведения об используемой сектантами религиозной литературе, а иногда и о каналах ее поступления на территорию Казанской губернии.

Наконец, еще одним важным источником по истории католиков, протестантов и сектантов Казанской губернии дореволюционного периода является статистика. Наиболее полные статистические сведения содержаться в фонде Казанского губернского статистического комитета (Ф. 359). Они позволяют установить общее количество католиков и лютеран в губернии, их половой и этнический состав, а также распределение по уездам. Примером служат статистические данные, собранные комитетом в 1913 г. для планировавшейся второй всеобщей переписи населения Российской империи .

Материалы Казанского статистического комитета позволяют проследить динамику численности адептов Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей. При этом, если лютеранская община Казани во второй половине XIX – начале XX в. медленно, но неуклонно росла, то численность католиков была подвержена значительным колебаниям, вызванным внешними факторами. Так, резкое увеличение числа католиков в губернии в 1860-х гг. объясняется массовой высылкой сюда участников польского восстания 1863–1864 гг.

К сожалению, материалы комитета не позволяют установить точное число казанских молокан, хлыстов и скопцов. Это объясняется не недостатками в работе сотрудников комитета, а тем, что большинство духовных христиан скрывали свои истинные религиозные взгляды, опасаясь репрессий со стороны властей. К примеру, в 1883 г. общее количество духовных христиан в крае комитетом оценивалось примерно в 80 чел. , тогда как другие источники (отчеты приходских священников, судебно-следственная

документация) позволяют значительно увеличить эту цифру.

Таким образом, документы Национального архива Республики Татарстан позволяют всесторонне изучить историю католиков, протестантов и сектантов Казанской губернии дореволюционного периода. Различные виды источников (деловая переписка, протокольная и судебно следственная документация, статистика) дают исследователю возможность детально рассмотреть конфессиональную политику местных властей в отношении неправославных христиан, а также оценить вклад последних в экономическое и культурное развитие края во второй половине XIX – начале XX вв.

Список литературы

Ермолаев И.П., Смыков Ю.И. Казань // Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. / Редкол: В.Л. Янин (гл. ред.). Т. 2. М., 1996.

Алексеев И.Е. Православная миссия в Казанской епархии в конце XIX – начале XX в. Казань, 2010.

Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 1999.

Понятов А.И. Миссионерская деятельность «Братства святителя Гурия» в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. … канд. ист. наук. Казань, 2007.

Степанов К.С. Русская православная церковь в политической жизни Казанской губернии в первое десятилетие XX в.: Дис. … канд. ист. наук. Казань, 200.

Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006.

Кадырметова Н.Н. Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX в. по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ: Дис. … канд. ист. наук. Казань, 2004.

Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005.

Салихов Р.Р. Исторические мечети Казани. Казань, 2005.

Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблема «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917 гг.). Казань, 1999.

Липаков Е.В. Католический приход в Казани во второй половине XIX – начале XX вв. и польская диаспора // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность: Материалы международной научной конференции. Казань, 2007. С. 94–100.

Пичугина В.В. Деятельность католического прихода в Казани в XIX в. // Историческая наука в Казанском университете: Материалы научной конференции. Казань, 2000. С. 180– 182.

Курило О.В. Лютеране в России (XVI – XX вв.). М., 2002.

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription here .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки здесь .